

Осколки

П Михаил Кликин

охоже, никто так и не узнал, откуда взялась Болезнь. Из секретных военных лабораторий? Или ее занес какой-то метеорит? А может быть, возбудителя доставили на Землю пришельцы из космоса — намеренно, чтобы очистить планету для себя?

Кстати, о возбудителе. Вирус, бактерия, грибок? Провести необходимые тесты не успели. Чем лечить — непонятно. Человечество — почти целиком — вымерло за несколько дней. Не было даже паники: так быстро все случилось.

Те, кто выжил, теперь оставались наедине с собой. Их было немного — тысячи, может быть, несколько десятков тысяч, рассеянных по миру. В городах и селах, тихих деревеньках, на разных континентах, в разных странах. Осколки человечества.

Странно, Болезнь не трогала одиночек. Это единственное, что успели понять ученые. О чем они и поведали миру во время его короткой агонии: Болезнь возникает лишь там, где больше одного человека. Поэтому уцелевшие избегали друг друга. Они боялись.

Этот город пока еще окончательно не умер.

Вечерами на тихих пустых улицах вдруг зажигались фонари, вспыхивали неоновые рекламы. Кое-где высвечивали прямоугольники окон и широкие витрины безлюдных магазинов. И круглые сутки перемигивались между собой никому теперь не нужные светофоры, устало щелкая контактами реле... Автоматы еще работали. Электричество пока было. Механизмы, оставленные людьми, жили своей призрачной жизнью.

Красные буквы на черном стекле монитора:

> **Мак:** Есть здесь кто-нибудь?

Шелест клавиш:

> **Мак:** Бывает здесь еще кто-то, кроме меня?

Губы шевелятся, беззвучно проговаривая набиваемый текст:

> **Мак:** Я бываю в этом чате каждый вечер с 20:00 до 21:00.

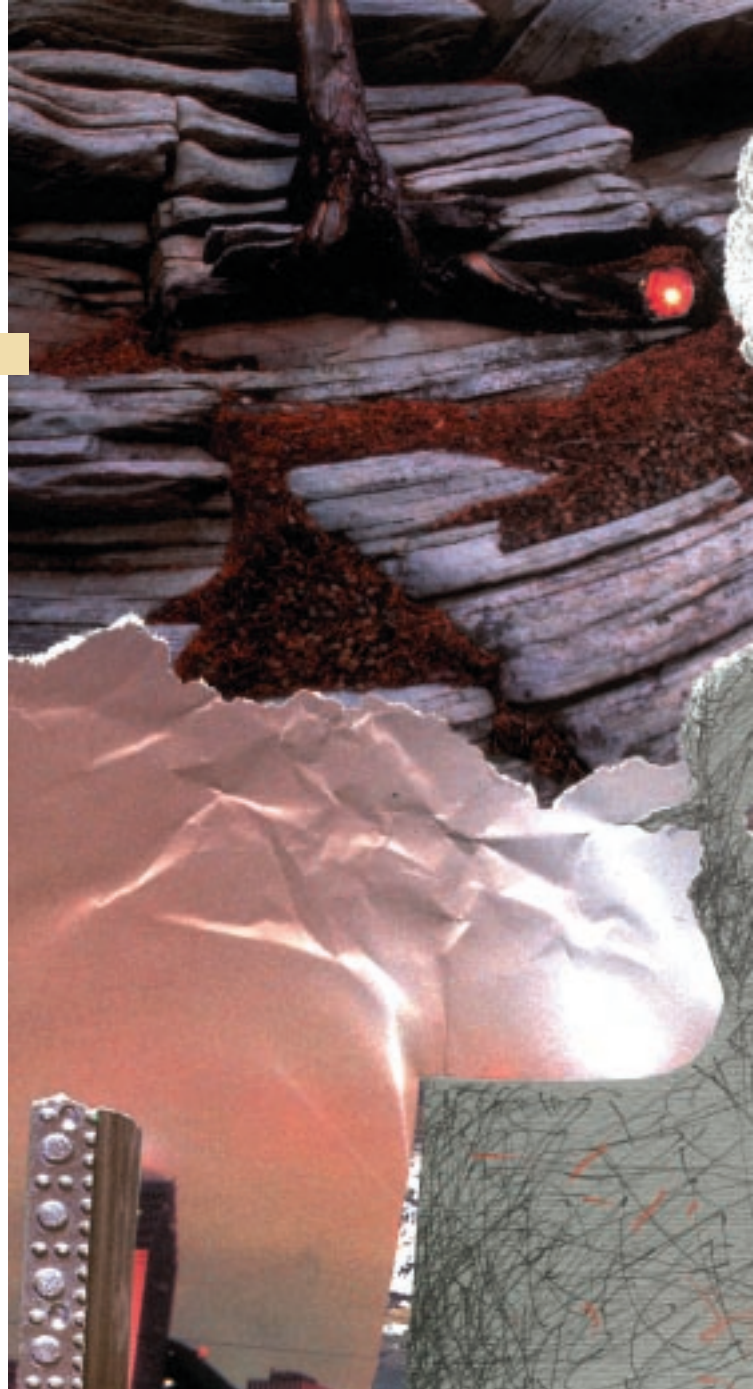
Пальцы нервно клюют доску клавиатуры:

> **Мак:** Телевизор и радио молчат. Но Сеть продолжает работать. Электричество есть. Вода есть. Нет людей. Кругом тишина. Пустота. Где все? Что случилось?..

Долгая пауза.

> **Мак:** Страшно. Мне страшно. Мне очень страшно!

Страшно очнуться однажды ночью и не увидеть рядом родных людей. Жутко не услышать утром гул машин, гомон голосов, стук трамвайных колес по рельсам, торопливый топот на гудящей лестнице. Невыносимо ждать целый день, не решаясь сползти с кровати, тупо пялиться в потолок. Мучиться от голода, жажды и боли. И слушать, слушать, слушать пугающую бесконечную тишину. А вечером, набравшись сил и решимости, перебороть боль, подползти к окну, вскарабкаться на подоконник, заглянуть вниз и увидеть совершенно безлюдную пропасть улицы... Так страшно жить в полном неведении неделю, вторую, месяц. Тем более страшно, если у тебя нет ног.

> **Мак:** Вот уже 33 дня я один. Я не знаю, где остальные люди. Неужели больше никого нет?

> **Мак:** Я бываю здесь каждый день с 19:00 до 22:00. Но вы можете оставить свое сообщение в любое время, не дожидаясь, когда я войду в Сеть.

> **Мак:** Читает ли кто-нибудь эти строки? Прошу, ответьте!

> **Мак:** МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!

Мак долго смотрел в монитор, на огненно-красные буквы, кричащие о помощи. Несколько раз поднимал руки, касался пальцами клавиш, собираясь добавить еще что-то, но, не найдя нужных слов, вновь сцеплял кисти рук на животе. За тридцать три дня он успел сказать все...

В десять часов вечера, когда стемнело, он выключил компьютер и пододвинул к себе телефон. Зажег настольную лампу. Из ящика стола достал потрепанную книгу в грязно-желтой обложке — телефонный справочник. Раскрыл на вложенной закладке, пробежал глазами столбцы номеров. Нашел

Художник Е. Станикова

ФАНТАСТИКА

томобили, лязгать железом редкие ночные трамваи, порой рассыпая короткие фейерверки трескучих искр. Там должны были бродить влюбленные парочки, хлопать двери баров. Ничего этого не было. Только немые витрины и немые далекие огни. Призрачные огни прошлой жизни.

> **Мак:** Сегодня заканчивается тридцать четвертый день моего одиночества. Я до сих пор никого не встретил. Есть здесь кто-нибудь?

И вдруг строчка алых букв сдвинулась вверх. На освободившемся месте возникло:

> **Cancer:** Привет, Мак!

Он отдернул руки. Долго смотрел на это короткое приветствие, не решаясь ответить. Словно боялся спугнуть волшебство.

> **Cancer:** Что замолчал? Ты здесь?

Ему вдруг показалось, что эти слова прислал обычный телефонный автоответчик, каким-то образом подключенный к Сети. Нелепая мысль! Но все-таки осторожно коснулся клавиш:

> **Мак:** Кто ты?

> **Cancer:** Зачем тебе это?

> **Мак:** Ты единственный человек, который откликнулся.

> **Cancer:** С чего ты взял, что я человек? Быть может, я Бог, решивший таким вот образом поговорить с тобой. Твое настоящее имя случайно не Моисей? А быть может, я сама Сеть, ожившая, обретшая разум... Впрочем, Бог ли, Сеть ли, разница невелика...

> **Мак:** Не хочешь говорить?

> **Cancer:** Просто не знаю, что ты хочешь услышать.

> **Мак:** Значит, ты не Бог.

> **Cancer:** Верно!

> **Мак:** Даже не знаю с чего и начать.

> **Cancer:** Начни с начала.

> **Мак:** Объясни мне, что случилось со всеми людьми? Мой город, похоже, совсем пуст.

> **Cancer:** А ты не знаешь? Странно... Все умерли. Вся планета мертва. Человечества больше не существует.

Мак закрыл глаза. Да, все правильно...

> **Мак:** Как это случилось?

> **Cancer:** Болезнь, эпидемия. Большинство людей погибло в первые два дня. Кто-то прожил еще день. Кому повезло — пару дней. Мы с тобой — одни из последних, но я не думаю, что нас можно назвать счастливыми. Хотя мы тоже умрем рано или поздно. И после нас уже никого не останется.

> **Мак:** Что за болезнь?

> **Cancer:** Похоже, ты пропустил самое интересное, Мак. Как тебе это удалось? Впрочем, это твоя часть истории, расскажешь позже... Отвечаю: никто не знает, что это за Болезнь. Даже я. Известно лишь, что она смертельна. И что она возникает при контакте двух или более людей.

> **Мак:** При контакте? Ты хотел сказать, передается?

> **Cancer:** Нет, не просто передается. Она именно возникает. Это очень похоже на какую-то химическую реакцию. Когда два человека встречаются — просто встречаются! — между ними что-то происходит. Они словно бы чем-то обмениваются. Вирусами? Не знаю. И потом оба погибают в течение нескольких часов. Мне довелось увидеть несколько записей, как все это выглядит. Жуткое зрелище!

> **Мак:** Но почему выжил ты?

> **Cancer:** Все просто: целую неделю рядом со мной не было ни единого человека. Так уж получилось — я живу на отшибе. В общем, когда началось, про меня и вовсе забыли. А с тобой что произошло?

> **Мак:** Долгая история. Но если коротко, я попал в аварию. Меня прооперировали. Каждый день накачивали чем-

карандашную черту, показывающую, где остановился вчера.

445-32-09... Следующий — 326-89-28... Следующий — 445-25-12...

Вдруг очередной гудок прервался спокойным голосом: «Привет! Это Дэн. Меня сейчас нет дома, но вы можете оставить мне свое сообщение после сигнала». И в трубке мелодично пискнуло.

Мак сглотнул слюну и с трудом заговорил:

— Это Мак. Я... я один. Все люди куда-то исчезли. Мне нужна помощь. Если меня кто-то услышит, позвоните мне по телефону или свяжитесь со мной через Сеть. — Он продиктовал свои координаты и бросил трубку, откинувшись на спинку кресла. Автоответчиков попадалось много, но он никак не мог привыкнуть к их равнодушным голосам.

Потом, похожий на какое-то гигантское искаженное насекомое, Мак выбрался из кресла, подполз к окну и, цепляясь за ребристую батарею, вскарабкался на широкий подоконник. Прижался носом к холодному стеклу, заглянул в десятиэтажную пропасть. Там, внизу, должны были лететь ав-

то. Все как в тумане. Потом отправили домой. Я очнулся — и никого. Кругом пусто. Пусто дома, на улице — везде, даже в Сети.

> **Cancer:** И ты совсем ничего не знал?

> **MaK:** Абсолютно.

> **Cancer:** Страшно было?

> **MaK:** Конечно.

> **Cancer:** Да, жутко представить, что ты испытал! Хочешь бесплатный совет? Бросай все и уезжай из города. Если повезет, ты еще доживешь до старости, пусть и одинокой.

> **MaK:** Я не могу.

> **Cancer:** Почему?

> **MaK:** У меня ампутированы ноги. Я беспомощный калека.

> **Cancer:** Вот, черт! Я тебе не завидую. Как же ты все это время жил?

> **MaK:** Вода подается, электричество.

> **Cancer:** А питаешься чем?

> **MaK:** Консервы, крупы, мука. Это все есть. Но уже заканчивается. Мне нужна помощь. Мне нужна еда. Мне надо выбраться отсюда!

> **Cancer:** Да пойми ты: тебе уже никто не поможет! Мы все теперь — сколько нас? — прокаженные, проклятые... Ладно, мне надо идти. Пока!

> **MaK:** погоди!

> **MaK:** Вернись!

> **MaK:** Приходи завтра, поговорим еще. У меня много вопросов. Приходи обязательно!

Ночью Мак не мог заснуть. Его мучили тягостные мысли...

> **MaK:** День тридцать пятый. Утро. Вчера я наконец-то узнал всю правду. Рассчитывать больше не на кого. Сейчас попробую выбраться на улицу, надо достать еды. Cancer, надеюсь, мы с тобой еще поговорим...

Лифт работал. Оставив квартиру незапертой, Мак выполз на лестничную площадку, дотянулся до пластмассовой кнопки, вдавил ее и потом еще почти целую минуту ждал, слышая, как ровно гудят наверху двигатели и позванивают, шелестят стальные тросы в шахте.

В кабине лифта тускло светила единственная лампочка. Замызганный пол, стены испещрены бесчисленными надписями. В самый грязный угол забился кем-то оставленный мяч. Детский резиновый мячик, синий, с черной полоской по экватору. Мак поднял его, покрутил в руках, гадая, почему его бросили здесь. Забыли? Потеряли? Он осторожно положил игрушку на место. Привстав на культяпках, на жалких остатках ног, попробовал, сможет ли дотянуться до кнопки своего этажа. И только после этого нажал кнопку с цифрой «1»...

Cancer уже ждал его вечером.

> **Cancer:** Привет, MaK!

> **MaK:** Рад тебя видеть!

> **Cancer:** Как прошла вылазка в город?

> **MaK:** Нормально. Приволок несколько банок консервов, шоколад, соки, кое-что еще. Еле-еле дотащил все до квартиры. Сегодня устрою маленький пир.

> **Cancer:** Завидую.

> **MaK:** Приходи в гости.

> **Cancer:** Будем считать, что я уже у тебя в гостях.

> **MaK:** Отлично! Что будешь пить?

> **Cancer:** Красное вино.

> **MaK:** Вина нет. Пиво устроит?

> **Cancer:** Давай пиво, выбирать не приходится.

> **MaK:** Есть консервированные сосиски. Подойдут?

> **Cancer:** Отлично!

> **MaK:** И соленые сухарики.

> **Cancer:** Великолепно!

> **MaK:** Угощайся, будь как дома.

> **Cancer:** Послушай, MaK, у меня такое впечатление, что ты не до конца понимаешь, что с нами случилось. Извини.

> **MaK:** То есть?

> **Cancer:** Неужели тебе не страшно? Все мертвы. И мы тоже!

> **MaK:** Мне жутко. Но, если честно, мне было гораздо страшней, когда я ничего не знал. Когда я видел пустой город, названивал по телефонам, искал кого-то — хоть кого! — в Сети. Тогда мне было много страшней, чем сейчас. Странно, правда?

> **Cancer:** Действительно, странно.

> **MaK:** Так ты будешь пиво?

> **Cancer:** погоди минуту, кажется, у меня в погребе есть несколько банок. Пойду сбегу.

> **MaK:** Жду!

Минуты через полторы на экране появилось:

> **Cancer:** Ну что? Начнем?

> **MaK:** За знакомство!

> **Cancer:** Хороший тост!

Мак представил, как далекий собеседник, улыбаясь в экран монитора, поднял пивную банку.

> **MaK:** Чокнемся!

И он звякнул бутылкой о темное стекло монитора в уверенности, что его одинокий товарищ сделал то же.

Два дня Мак практически не вылезал из Сети. Ел прямо за компьютером. Спал урывками, по часу, по два, не выбираясь из кресла, уронив голову на стол.

Они разговаривали, разговаривали...

А на третий день его ожидало потрясающее открытие.

> **Cancer:** Знаешь, MaK, ты мне нравишься. Было бы интересно с тобой встретиться, жаль, что это невозможно. Тебе сколько лет?

> **MaK:** Двадцать четыре.

> **Cancer:** А мне двадцать один. Опиши себя.

> **MaK:** Ну, даже не знаю... Безногий инвалид, уже практически не комплексующий по этому поводу. Все равно никто не увидит.

> **Cancer:** Нет, я имею в виду внешность: волосы, глаза.

> **MaK:** Зачем тебе это? Ладно: худощав, брюнет, волосы длинные (теперь), глаза темно-карие... А ты?

> **Cancer:** Я? Ничего особенного — невысокая блондинка с зелеными глазами.

> **MaK:** Блондинка?! Так ты... девушка?

> **Cancer:** Да, именно. А ты что, даже не догадывался?

> **MaK:** Вот это да!

> **Cancer:** Неужели ты не заметил этого сразу?

> **MaK:** Нет, конечно. Даже в мыслях не было. Я думал — ты парень.

> **Cancer:** Тогда понятно, почему ты был со мной так откровенен в некоторых вопросах.

> **MaK:** Извини. Я тебя не шокировал?

> **Cancer:** Нет, было очень интересно узнать что-то новое.

> **MaK:** Я краснею... А как твое настоящее имя?

> **Cancer:** Анна. А твое?

> **MaK:** Мак. Так и есть.

> **Cancer:** Максим?

> **MaK:** Просто Мак — так привычней.

> **Cancer:** Ладно... В следующий раз я приду под своим именем.

> **MaK:** Уже уходишь?

> **Cancer:** Ненадолго. Надо кое-что сделать по дому. Вечером поговорим...

С каждым днем, с каждым часом они узнавали друг друга все лучше и лучше. Мак рассказывал о своем детстве, о родителях, о товарищах, вспоминал разные забавные случаи. С неохотой вспомнил и об аварии, в которой потерял ноги... Анна больше спрашивала, делала точные замечания, иронично комментировала истории Мака, но говорить о себе избегала.

Мак философствовал — Анна внимала.

Мак грустил — Анна шутила.

Мак смеялся — Анна напоминала о судьбе.

Со дня их встречи не прошло еще и недели, а казалось, они знакомы уже несколько лет.

> **Мак:** Я вот думаю: человечество умерло, но культура, все то, что создавалось людьми — книги, видео, картины, архитектура, — осталось. Может, в этом и была цель существования человечества: создать все это для кого-то (для кого?) — и уйти?.. Смотри: сначала человек что-то царапает на камне, разрисовывает стены пещер... потом — музыка, письменность, литература, театр, скульптура и архитектура, философия, кино, видео... Что двигало людьми, когда они создавали все это? Будто внутри нас — некая программа, заставляющая создавать культуру... Прошли тысячелетия, и вдруг — стоп: приехали! Писатели сотни раз обыгрывают одни и те же сюжеты; художники рисуют картины, которые только сами и понимают; скульпторы и вовсе творят нечто невообразимое; от музыки остались лишь ритмы. Человечеству больше нечего сказать, оно себя исчерпало, оно топчется на месте... Ну вот, потопталось, и результат — Болезнь. А может, это и не болезнь вовсе, а нечто давным-давно запрограммированное в нас, в нашей ДНК? Некий выключатель, заложенный в нас... Чем, кем? Создателем?.. Ты веришь в Бога?

> **Анна:** Скорее нет, чем да.

> **Мак:** Почему?

> **Анна:** Глупый вопрос.

> **Мак:** Почему глупый?

> **Анна:** Потому. Ты сам-то в Бога веришь?

> **Мак:** Не знаю. Но его существование очень бы все упростило.

> **Анна:** А я считаю, совсем наоборот.

> **Мак:** Ты всегда считаешь «наоборот». Что, мне наперекор?

> **Анна:** Тебе это нравится?

> **Мак:** Да!

> **Анна:** Мне тоже... Слушай, Мак, как ты думаешь, долго еще будет подаваться электричество?

> **Мак:** Не знаю.

> **Анна:** Ведь мы не сможем общаться.

> **Мак:** Ужас, о Господи!

> **Анна:** Удивляюсь, что все пока работает. Как?

> **Мак:** Автоматика.

> **Анна:** Когда техника откажет... я не вынесу одиночества.

> **Мак:** Я тоже. Я же калека.

По электронной почте они обменялись фотографиями. Теперь у Мака на мониторе красовалось грустно улыбающееся девичье лицо, светлое и чистое. Любимое...

Казалось, испугавшись этого снимка, одиночество отступило. Но недалеко. Нет, Мак не боялся смерти, теперь его страшило лишь одно: однажды нажать кнопку и не услышать, как оживает электроника...

> **Мак:** Вчера вечером выглянул в окно — на соседней улице нет света. Похоже, весь квартал обесточен.

> **Анна:** Рано или поздно это случится везде.

> **Мак:** Да. А ведь я еще не сказал тебе самого главного.

> **Анна:** Так говори, пока есть возможность.

> **Мак:** Я люблю тебя.

> **Анна:** Мак, не надо. Зачем?

> **Мак:** Просто. Ты должна знать. Я люблю тебя.

Он вполз в лифт, подумав мельком, что электричество может пропасть в момент спуска или подъема.

Детский мячик, синий с траурной полоской по экватору, был на месте.

Мак выполз на улицу, под холодный ливень. До разбитой витрины магазина — всего ничего: тридцать метров, три кипящие лужи, два проворных ручья...

> **Мак:** Знаешь, у меня тут дождь.

> **Анна:** У меня тоже пасмурно. Осень.

> **Мак:** Теперь я жалею, что у меня никогда не было домашних животных. Кошка, собака, кролик или хомячок. Что-то теплое, живое — рядом. Так хочется о ком-нибудь заботиться.

> **Анна:** А у меня здесь куры, корова и два ягненка.

> **Мак:** Целое хозяйство. Ферма? Справляешься?.. Что-то я плохо себя чувствую. Знобит.

> **Анна:** Закутайся потеплее. И выпей горячего молока. У тебя есть молоко?

> **Мак:** Нет...

Ночью ему стало плохо. Он вылез из кресла, забрался на старый диван, заполз под толстый пушистый плед. Съезжил-ся на боку, подтянув колени к подбородку. Знобило. Потом, пропотев, открыл глаза и увидел, что перед ним кружится красная метель. Алые хлопья били по глазам, плыла голова, гудело в ушах, и мелькали, вились вокруг зловеще алые пятна, иногда затягиваясь непроницаемой угольной чернотой.

> **Анна:** Мак, ты куда пропал?

> **Анна:** Мак, где ты? Что случилось?

> **Анна:** Мак, ответ!

> **Анна:** Я не могу так! Почему ты молчишь? Что произошло? Ответ немедленно! Я схожу с ума!

> **Анна:** Слышишь меня?

> **Анна:** МАК!!!

Порой он приходил в себя, падал с дивана и полз на кухню. Жадно пил воду из чайника, заставлял себя разжевать и проглотить несколько кусочков сухофруктов. Иногда его рвало, и это приносило легкое минутное облегчение. Потом он возвращался в комнату и долго забирался на диван. Покорив высоту и окончательно выбившись из сил, укутывался пледом и опять впадал в странное забытье...

> **Анна:** Я не могу так больше, Мак!

> **Анна:** Мак, я люблю тебя!

> **Анна:** Мак, я не хочу жить без тебя! Просто не могу! Так пусто, так одиноко. Мы знаем друг друга всего пару недель, а человека, роднее, чем ты, у меня никогда не было. Мак, я не знаю, что с тобой случилось. Или ты читаешь эти строчки, но не можешь ответить? А может, тебя уже нет? А я не успела сказать тебе самого главного: я люблю тебя. Странно, конечно — мы даже не видели друг друга, только эти фотографии. Я не знаю, какой у тебя голос. Все, что нас связывает, — это строчки на экране монитора... Знаешь, Мак, я сейчас плачу. Почему? Глупый вопрос. Потому, что я вдруг стала совершенно одинокой. Когда умерли все люди, я не ощущала одиночества так остро. А когда вдруг исчез ты... Мак, я готова отдать все, чтобы увидеть тебя. Чтобы коснуться рукой твоей кожи, посмотреть тебе в глаза. За это я готова отдать все — даже жизнь. Согласись, это небольшая жертва.

Наконец ему стало лучше. Лучше настолько, чтобы заползти в кресло, включить компьютер и подсоединиться к Сети. Теперь — войти в чат: зарегистрироваться, ввести свое имя и пароль. Однако Мак никак не мог совладать с непослушными пальцами, тыкал в клавиатуру, промахиваясь мимо нужных клавиш. Он видел буквы на мониторе — голос Анны! — но никак не мог составить из них слова. Смысл ускользал...

Он оставил свои тщетные попытки и вновь забрался на диван. Опять озноб, и опять Мак закачался на его волнах в сумятице странных видений.

> Anna: Мак, я даю тебе еще два дня, чтобы объявиться. Если ты не появишься, значит, мне незачем жить. Я так решила.

Он прочел эти строчки ровно через два дня и ужаснулся. Торопливо набрал:

> Мак: Я здесь!

Кружилась голова, кружились перед глазами черные мушки. Болели мышцы, ломило кости.

> Мак: Я здесь! Ответь мне, Анна!

Он бегло просмотрел ее предыдущие сообщения. Наткнулся на фразу: «Я люблю тебя!» Вздрыгнул. Перечитал еще раз. И еще раз. Потом схватился за клавиатуру, отчаянно напечатал:

> Мак: Я вернулся! Я здесь! Ты слышишь меня? Слышишь? Слышишь? Вернись немедленно! Я жду! Куда ты делась?! Это глупо, глупо, глупо! Я болел, я и сейчас болен, но я здесь, здесь! А ты? Где ты? Зачем так? Почему? Анна, не надо, прошу тебя! Это нечестно, я жив, я здесь!

И потом, вытерев ставшими мокрыми глаза:

> Мак: Ты жива, я знаю. Ты здесь. Ты просто куда-то вышла. Отвлеклась. И сейчас появишься. Ты не могла уйти так просто, не попросившись, не сказав последних слов. Я жду. Я верю. Я хочу, чтобы ты сейчас появилась.

Он запустил это в Сеть и стал ждать. Ждал долго. И дождался.

> Anna: Привет, Мак! Ты вернулся! Я так рада!

Он улыбнулся своему заплаканному отражению.

> Мак: Я тоже! Но ты меня напугала!

> Anna: Извини. Ты прав, я едва не совершила самую большую глупость в своей жизни... Что с тобой случилось? Где ты пропал?

> Мак: Я здорово простудился. И еще не совсем выздоровел.

> Anna: Ты что-нибудь принимал?

> Мак: Нет.

> Anna: Закутайся потеплей. Выпей чего-нибудь горячего. Я люблю тебя, Мак.

> Мак: Я люблю тебя, Анна.

> Anna: Я знаю.

> Мак: А знаешь, что я подумал?

> Anna: Нет.

> Мак: Я хочу увидеть тебя. Догадываешься, что я имею в виду?

> Anna: Думаю, да. Но ты понимаешь, что это значит?

> Мак: Конечно.

> Anna: Если так, то я готова приехать к тебе.

> Мак: А я готов тебя встретить. Сколько у нас будет времени?

> Anna: Достаточно. А потом еще целая вечность.

> Мак: Как романтично!

> Anna: Да уж...

Он назвал свой адрес. Оказалось, это не так уж далеко от ее фермы, всего день пути на машине.

> Anna: Ты действительно этого хочешь? Ты понимаешь, что через сутки после встречи мы умрем?

> Мак: Это наилучший способ самоубийства. Не все ли равно когда? Приезжай.

> Anna: Завтра.

> Мак: Хорошо. Жду.

Он больше не включал компьютер.

Он ползал по своей маленькой квартирке и пытался навести порядок. Собирал разбросанные вещи, вытирал пыль. Отскоблил газовую плиту, вымыл ванну и туалет. Перемыл всю скопившуюся посуду. Застелил постель чистым бельем. И все время считал в уме: между ними что-то около пятисот километров, это шесть-восемь часов пути, если делать небольшие остановки для отдыха. Значит, она прибудет во второй половине дня...

И все-таки трель звонка заставила его вздрогнуть. Она!

Мак подполз к двери и, протянув руку к замку, застыл. Он увидел себя со стороны: нелепый калека, обрубок человека, жалкий уродец.

Звонок повторился.

За дверью стояла его девушка. Желанная. Девушка, первое имя которой — Анна. Второе имя — Смерть.

— Мак! Открывай! У тебя что, еще кто-то?

Он грустно улыбнулся. И, привстав на культепках, отпер дверь.

— Заходи. Я жду. — Он видел только ее ноги, потому что не решался поднять глаза. Боялся.

— Наконец-то! А я уж думала, что ошиблась адресом. Привет, Мак!

Теперь он посмотрел на нее, и у него перехватило дыхание. Какие глаза! Только неистовая радость с толикой искрящегося лукавства.

— Здравствуй! Ты именно такая, какой я тебя представлял.

— И ты. — Она присела и, чуть покраснев, легко поцеловала его в лоб.

— Ты проходи, я сейчас.

Мак не хотел, чтобы она видела, как он передвигается. И Анна, кажется, поняла это. Она прошла в комнату, посмотрела на накрытый стол, улыбнулась, потом подошла к окну, выглянула наружу.

— Там, внизу, в городе, так страшно! — сказала. — Пусто. Только крысы шмыгают по темным углам. Словно тени. Столько крыс! Я оставила машину за несколько кварталов отсюда. Шла пешком. Все мертво...

Пока Анна говорила, стоя к нему спиной, Мак забрался в кресло. Звякнул бокалом о бутылку, приглашая к столу, разлил вино.

— Иди сюда, все готово.

Она уселась рядом, взяла бокал:

— Я люблю тебя, Мак!

— Я люблю тебя, Анна.

Они чувствовали себя немного скованно. Но это быстро прошло.

— У нас так мало времени, — сказала Анна. — Ты ощущаешь, как в нас что-то меняется?

— Да, пожалуй, — согласился он. — Чувствую... Сердце колотится.

— Дышать уже немного трудно, и голова кружится.

— Да.

— Болезнь?

— Реакция...

Они склонились друг к другу. К губам. Она запустила пальцы в его волосы. Он ласково коснулся ее щеки.

— Здесь так много крыс, — прошептала она.

— Пойдем, — тихо выговорил он.

— Пойдем? — улыбнулась она, и он не обиделся...

Им было хорошо вместе. А потом они заснули, крепко обнявшись, потому что уже не собирались просыпаться.

Большая серая крыса вскарабкалась на постель. Важно прошла по складкам одеяла, волоча за собой голый розовый хвост. Остановилась почти у самого изголовья, раздумчиво пошевелила усами и вдруг, почуяв под собой легкое движение, стремительно спрыгнула на пол и затаилась в углу комнаты.

Мак высунул голову из-под одеяла. Глянул в сторону окна. Прошептал удивленно и немного растерянно:

— Утро!..

— Утро? — Сонная Анна прижалась к нему. Легонько коснулась губами его шеи.

— Утро, — подтвердил Мак. — Как ты себя чувствуешь?

— Вроде бы нормально.

— Я и не думал, что у нас будет еще целое утро.

— Я тоже. Хороший подарок.

— А что, если...

— Что?

— Что, если Болезнь ушла? Вдруг нам уже ничего не грозит?

— Нет, не надейся! Не думай об этом.

— Но...

— Просто у нас есть еще немного времени. Это же здорово, правда?

— Но я ничего не чувствую. Никаких изменений. Я совершенно здоров.

— Ну и что из этого?

— Ты считаешь, что мы по-прежнему...

— Да.

Мак помолчал, потом сказал весело:

— Тогда нам надо с пользой провести это время! — И нырнул под одеяло...

Прошло двое суток, а Болезнь к ним так и не явилась.

— Почему? — спросила Анна, наконец-то признавая ошибочность своего страшного прогноза.

— А может, мы с тобой все равно что один человек! — ответил Мак. — Да? Поэтому Болезнь нас и не трогает? Ведь что-то в нас изменилось, когда мы встретились, помнишь? Я это почувствовал, и ты тоже... Изменилось — но не как предвестник Болезни, а чего-то совсем другого. Чего?

Они сидели за столом и завтракали. Большая отъевшаяся крыса устроилась в дальнем углу и, словно домашняя собачонка, ждала подачки, нисколько не боясь людей. Мак покосился на нее, отломил кусочек сыра и бросил его в крысиный угол.

— А вдруг это просто временная отсрочка? — будто все еще не веря в чудо, тихо спросила Анна.

Мак пожал плечами:

— Нельзя же всю жизнь думать об этом.

— Нельзя, — согласилась она. — Тогда... тогда давай уедем отсюда.

— Куда?

— Ко мне.

— А что там у тебя?

— Все что нужно. Лес неподалеку, озеро, чистый воздух, сад, огород, свое хозяйство. И дизельный генератор в сарае.

— Генератор, это, конечно, большой плюс.

— Нам надо выбираться из города, Мак!

— Но понимаешь... — Он смутился. — Мне неудобно даже говорить...

— В чем дело?

— В чем? Я же инвалид. Что я там буду делать? Одна обуза для тебя... Я же не предполагал, что все так обернется.

ФАНТАСТИКА

— Мак! — Анна сердито глянула на него.

— Что?

— Перестань, пожалуйста. И давай думать, что мы возьмем с собой.

Он долго смотрел ей в глаза, видя там свое отражение, потом вздохнул, улыбнулся:

— Ну, хорошо.

Они потянулись друг к другу, прижались.

— Мы одни во всем мире. Тебе страшно? — прошептала Анна.

— Мы вдвоем, — поправил ее Мак. — Навсегда. Да?

— Нет, — качнула она головой.

— Почему? — удивился он.

— Я бы хотела, чтоб нас было больше. Чтобы была настоящая семья.

— А! — понял он, но тут же испугался: — А вдруг нам нельзя иметь детей? Вдруг Болезнь только этого и ждет?

— Думаю, есть смысл попробовать. Ты согласен?

И Анна рассмеялась. А Мак закивал решительно:

— Конечно! Иначе ради чего мы? Все будет в порядке, я уверен. Мы же будем любить их...

Утром они покинули квартиру.

Лифт распахнул перед ними свой зловонный зев.

— Нет, мы спустимся сами! — решил Мак.

— Почему? — удивилась Анна.

— А если электричество отключат или еще что-то сломает-ся? Я не собираюсь рисковать.

— Десять этажей! А ты...

— Ничего, как-нибудь.

Мак увидел в кабине лифта тот самый детский мячик, испуганно забившийся в самый грязный угол.

— Давай возьмем его.

— Зачем?

Действительно, зачем?

— Не оставлять же его здесь.

— Ладно, пусть так. Здесь он и вправду уже никому не нужен.

Машина вырвалась из лабиринта тесных улиц и понеслась прочь от мертвого города.

Мак сидел на заднем сиденье и смотрел на сосредоточенное лицо Анны, отражающееся в зеркальце над лобовым стеклом. В руках он держал синий мяч с траурной полоской, входящей по экватору.

